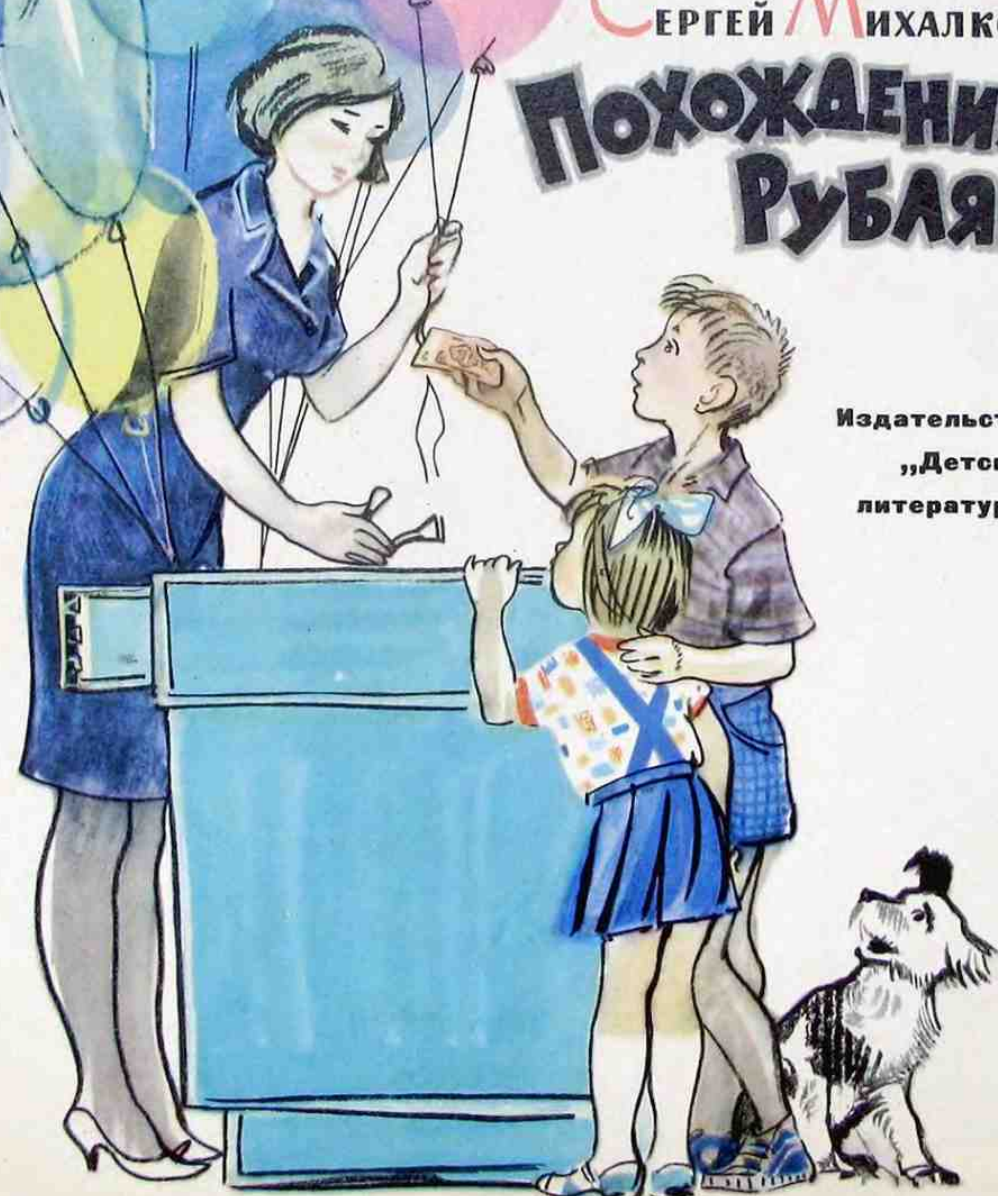

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПОХОЖДЕНИЯ РУБЛЯ

Издательство
„Детская
литература“

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

ПОХОЖДЕНИЯ РУБЛЯ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» МОСКВА 1969

Рисунки Г. МАЗУРИНА

Я появился на свет

Я — Рубль. Новенький советский бумажный рубль. Родился я в большом кирпичном доме, где у каждого входа и выхода стоят часовые и куда ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

Не успел я появиться на свет, как попал в общество братьев-близнецов, похожих на меня как две капли воды. Мы очутились в одной пачке, туго перехваченной крест-накрест бумажной лентой, на которой было написано: „СТО РУБЛЕЙ“. Перед тем как это написать, нас пересчитали и аккуратно сложили вместе, запечатали,

чтобы мы не разбежались. Мы лежали, прижавшись друг к другу своими личными номерами, и каждому из нас хотелось поскорее вырваться на свободу, чтобы начать полную разных приключений, интересную жизнь.

Из разговоров, которые велись вокруг нас людьми, я узнал, что сначала меня отправят в какой-то БАНН, что только оттуда я попаду в какую-то НАССУ и что уже в этой таинственной НАССЕ и решится моя участь.

Мы набрались терпения и стали ждать. У каждого из нас своя дорога, своя судьба...

Я начинаю самостоятельную жизнь

В пачке было темно и тесно. Мы уже давно томились в ней и порядком надоели друг другу. Нас только что вынули из какого-то мешка, и теперь мы лежали на дне просторного железного ящика.

„Может быть, это и есть НАССА?“ — подумал я про себя.

Я хотел поделиться своей догадкой с соседом, но тут над нашей головой что-то треснуло. Это лопнула бумажная лента. Чьи-то ловкие, тонкие пальцы схватили меня за уголок и вытащили на свет.

— Вот вам на счастье новый Рубль! — произнёс приятный женский голос.

— Большое спасибо!

Не успел я сообразить, что со мной происходит, как оцутился на гладкой тарелочке.

А через мгновение я уже лежал в глубоком мягком помещении. Я не знал тогда, что это помещение называется карманом и что всю жизнь мне придётся переходить из кармана в карман.

Так, не успев даже попрощаться со своими собратьями, я начал самостоятельную жизнь.

Я встречаю земляка

Я попал в нарман к столяру. Он работал на мебельной фабрике и делал диван-кровать. Откровенно говоря, мне было приятно: моя жизнь началась с того, что я достался человену как вознаграждение за его труд. Я настоящий трудовой Рубль! — с гордостью думал я.

Интересно, что меня ждёт впереди? Что со мной будет дальше? Как меня будут тратить и, главное, на что?..

Я настолько был занят своими мыслями, что не заметил лежащую рядом со мной в кармане монету. Как потом оказалось, это был Пятачок. Он прикоснулся ко мне холодным металлическим боком и вежливо извинился.

— Может быть, мы познакомимся? — предложил он. — В темноте я не вижу вашего лица. Что касается меня, то я — Пятачок.

— Будем знакомы! — сказал я. — Я — Рубль!

— А я — Пятачок! — ещё раз повторил он. — Но если вы Рубль, то у нас есть нечто общее.

— Что именно? — поинтересовался я.

— Государственный герб! — сказал Пятачок.

— Возможно, — неопределённо ответил я, впервые имея дело с монетой.

— Вы бы могли в этом убедиться, — продолжал Пятачок. — Но я не хотел вас обидеть сравнением с собой.

Прежде всего я простой Пятачок,

а вы — целый Рубль, да и тому же,

видимо, новый, ещё не бывший в

употреблении. А раз так, то вы

ещё не имели дела с такими,

как я. Но герб у нас с вами

общий. И все мы, независимо

от нашего достоинства, гор-

до носим его. Самый стар-

ший среди нас Полтинник.

А дальше уже идёте вы —

рубли!.. Одним словом,

мы земляки, и это долж-

но нас сближать...

Мы разговорились.

Пятачок был по возрасту

старше меня и охотно

поведал мне исто-

рию своей жизни.

Она была скорее печальной, чем радостной. Он много раз был бит в „расшибалочке“ — в нинудышной уличной игре, которую любят мальчишки. Один раз его чуть было не положили на трамвайный рельс, чтобы посмотреть, во что он превратится после того, как по нему пройдут колеса. Чудом ему удалось не стать каленой.

— А теперь я не вылезая из метро! — закончил Пятачок свой грустный рассказ. — Большинство людей, кото-

рым я попадаю в руки, берегают меня для того, чтобы я оплатил проезд под землёй. Впрочем, однажды...

Пятачок не успел закончить фразу. Вернее, я не успел её дослушать. В карман опустилась рука, нащупала одного из нас и потащила наверх. „Одним из нас“ оказался я.

— До встречи, дружище! — успел я только крикнуть в глубину кармана.

Я узнаю себе цену

Прямо из тёплого, уютного кармана рабочей куртки я попал куда-то, где всё дышало сыростью и свежей землёй. Как я потом догадался, это был цветочный киоск.

— Рублишко-то новенький! — сказал женский голос и добавил: — Если вы, гражданин, хотите купить цветы, то не скупитесь!

— А я и не скуплюсь! — отвечал мужской голос. — Я выбираю... Дайте мне, пожалуйста, эти гвоздики и получите с меня рубль!

Я мельком успел увидеть в большом ведре охапку красивых красных цветов. В то же мгновение меня бросили в ящик стола.

Мне было не по себе.

„Я трудовой Рубль, а никакой не „рубличко“! — угваривал я сам себя. — Как она посмела меня так назвать!“

Понемногу я успокоился.

„В конце концов, — пришёл я к выводу, — уже хорошо, что Человек, который меня заработал, хотел доставить радость другим и купил цветы. Меня начали тратить!“

— И ты здесь? — неожиданно обратился ко мне кто-то из глубины ящика.

Я вгляделся в темноту и, к своему большому удивлению, увидел одного из моих собратьев-близнецов. Я сразу узнал его. У него был другой личный номер, но та же серия, что и у меня, — мы были из одной пачки!

— Не удивляйся! — продолжал мой брат. — Меня тоже истратили на цветы. Это добрая примета. Сегодня Восьмое марта. Сегодня все покупают цветы. На один рубль здесь дают три гвоздики. Вот наша с тобой цена!

Я не мог сразу сообразить, много ли это или мало, наша ли это цена или цена цветов.

Во всяком случае, для начала я узнал, что на меня можно купить три прекрасных цветка.

Тут послышалось:

— Дайте мне, гражданочка, три рубля и получите рубль сдачи!

Не поняв ещё, что это значит, я переночевал из ящика в дамскую сумочку.

Надо мной звонко щёлкнул запор. Я снова очутился в полной темноте.

Зажатый между пудреницей и паспортом, я чуть не потерял сознание от одуряющего запаха духов.

Нечаянное знакомство

Однажды со мной приключилось чрезвычайное происшествие. Шофёр такси отсчитал меня очередному пассажиру. Мой новый хозяин повертел меня в руках, внимательно со всех сторон рассмотрел и аккуратно спрямал в толстый бумажник. Здесь приятно пахло кожей и табаком, но деньги, окружавшие меня, не имели со мной ничего общего. И они не были похожи на те, с которыми мне приходилось общаться до сих пор. Все они были другого размера и цвета, и на них были совсем другие картинки.

Я сразу заметил, что незнакомцы с неохотой потеснились, чтобы дать мне место.

— Если я не ошибаюсь, мы имеем дело с советским Рублём? — громко произнёс один из незнакомцев.

— Вы угадали, — сдержанно сказал я.

— В таком случае разрешите представиться! — продолжал незнакомец. — Все мы тут — американские доллары! Затесалось среди нас несколько французских франков, но они не в счёт!

— Очень приятно познакомиться! — официально ответил я. Мне почему-то не понравился заносчивый тон Доллара и его явно пренебрежительное отношение к французскому Франку.

— Мы совершенно случайно попали в Москву, — продолжал Доллар тем же развязным тоном. — Надеюсь, что нас ни на что не истратят. Нам бы не хотелось тут задерживаться...

— А почему? — поинтересовался я.

— Любим шататься по свету! — властно вмешался в разговор второй Доллар. — Я, например, был недавно в одной жаркой стране.

— Что вы там делали? Как вы там оказались? — задал я сразу два вопроса.

— Нам было несколько десятков тысяч, — охотно ответил второй Доллар. — Нам привезли для того, чтобы

выплатить жалованье американским солдатам. Лично я достался лётчику, и в первый же день мы полетели с ним на бомбёжку. Мы вдрызг разбомбили школу, мост и несколько домов. Потом мой хозяин оставил меня в баре... А потом я очутился опять в Америке, но на этот раз в руках у одного чёрного. Бедняга не успел меня истратить. Его убили во время облавы. Видите это небольшое пятнышко возле портрета президента Вашингтона? Оно уже почти выцвело, но ещё заметно.

При этих словах Доллар повернулся ко мне боком, чтобы мне было лучше видно. Я с ужасом посмотрел на буроватое пятнышко возле портрета пожилого человека с умным и добрым лицом.

Мне было жаль и бедного негра, и почему-то президента Вашингтона, изображённого на Долларе...

Может быть, мне надо было ему что-то ответить? Или рассказать что-нибудь? Ну хотя бы про то, что лично я никогда никому не доставался в награду за убийство, за разрушенную школу...

Но я промолчал. Я не хотел продолжать разговор. Мне и так было всё ясно. Французские франки тоже молчали.

Бумажник раскрылся, и на меня купили деревянную матрёшку...

Я остаюсь дома

В магазине сувениров былолюдно и шумно.

Покупатели рассматривали, выбирали и покупали: янтарные бусы и запонки, деревянные лакированные ковши и ложки, куклы-матрёшки и костяные олени упряжки, чёрные чайные подносы, расписанные яркими цветами, тяжёлые кувшины и кружки из керамики...

„Ному достанусь я теперь? — гадал я, лёжа в одном из отделений кассы. — Неужели мне опять суждено попасть в общество каних-нибудь „знатных иностранцев“? Найдется, их здесь полно...“

Новый кассовый аппарат приятно позванивал.

Кто-то протянул кассирше пять рублей, и она вместе с чемом выдала меня покупателю. Тот небрежно опустил меня в карман плаща, получил покупку, вышел из магазина, сел в такси и поехал прямо в аэропорт.

Из разговора пассажира с шофёром я узнал, что пассажир — известный советский футболист и что он через два часа вылетает за границу для участия в матче на первенство Европы.

„Сейчас мы расстанемся — меня отдадут за проезд!“ — решил я, когда водитель остановил машину. Но не тут-то было!

— Сколько с меня? — спросил футболист.

— Ничего не надо! — неожиданно ответил шофёр. — Я так загадал, чтобы вы домой с кубком вернулись. Счастливого вам полёта! Ни пуха ни пера!..

„Что теперь со мной будет?“ — не на шутку разволновался я.

Сквозь лёгкую ткань плаща до меня доносился волнительный шум — рёв моторов с лётного поля, жужжание автокаров, объявления по радио, прощальные возгласы отлетающих и провожающих.

„Что со мной будет? Вот сейчас объявят посадку,

мой футболист поднимется по трапу в кабину самолёта, найдёт своё кресло, снимет плащ, свернёт его и положит на полку или повесит на вешалку. И никто не догадается, что в правом кармане этого плаща летит в Европу бумажный советский Рубль!

Но я нигуда не улечу. Я остался дома.

В газетном киоске. Вместо меня за границу полетел свежий номер журнала „Здоровье“.

Ну, и на здоровье! Вы думаете, я был огорчён? Ничуть! Что бы я делал за границей?

Ленгал бы в кармане плаща?

Я попадаю на рынок

В одно из летних воскресений я впервые попал на колхозный рынок. Должен признаться, мне выдался трудный денёк!

Всё началось с того, что моя хозяйка купила кучку

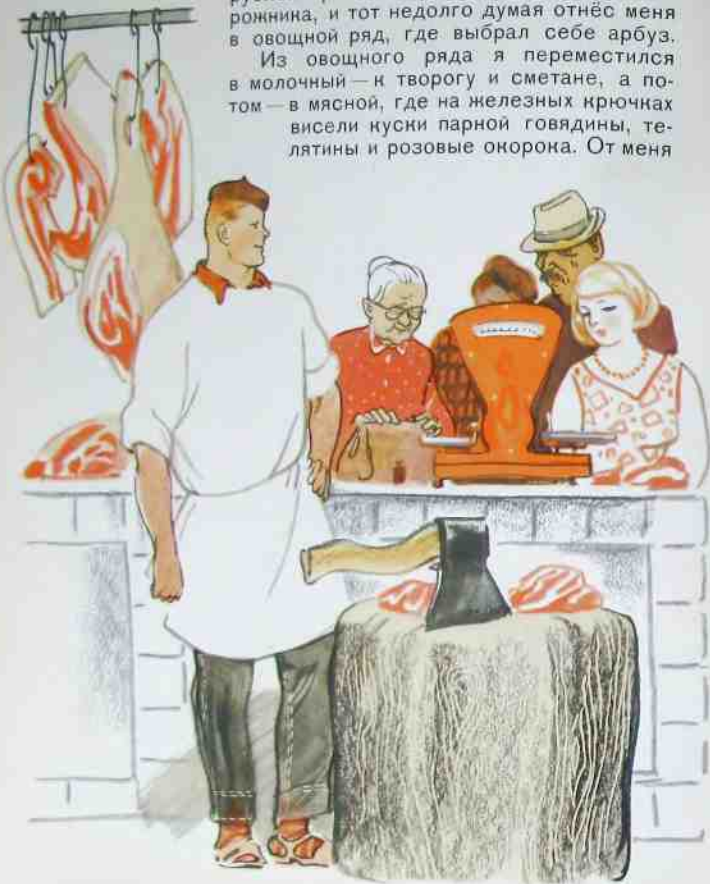

белых грибов. Не успел я опомниться, как меня уже отдали за баночку мёда.

В глубоком нармане фартука, нуда меня опустили, жуужала большая страшная оса. Выбираясь на волю, она ползала по мне, цеплялась за меня своими липкими лапками и даже пыталась ужалить.

На моё счастье, пчеловод разменял десять рублей гражданину в форме железнодорожника, и тот недолго думая отнёс меня в овощной ряд, где выбрал себе арбуз. Из овощного ряда я переместился в молочный — к творогу и сметане, а потом — в мясной, где на железных крючках висели куски парной говядины, телятины и розовые окорока. От меня

ещё пахло душистым липовым мёдом, и потому на этот раз ко мне сразу же привязалась противная жирная муха. Она щенотала меня своим хоботком, и я с нетерпением ждал следующих рук...

Мне нравилось, когда меня тратили. Однако в толчее и суетоне рынка мне, бумажному Рублю, было нелегко. Меня клали прямо на грязные, сырые прилавки, совали в руки продавцам, комкали, мяли... Переходя из рук в руки, я впитывал в себя по пути свежие запахи огородов, полей, садов и лесов — запахи цветов, овощей, ягод, грибов, мёда и прочих даров природы, но всё же, честно говоря, мне хотелось поскорее выбраться отсюда...

Под вечер, в душном кошельке, туго набитом мелочью, меня вынесли наконец за ворота рынка и положили на хранение в сберкассах.

Роковая случайность

Я пытаюсь восстановить в памяти события прошедшего дня.

Как же это случилось?..

Утром меня оставили в молочном магазине. Затем я попал в руки девушки, которая зашла на почту, чтобы телеграммой поздравить с днём рождения своего брата. Ей дали тридцать пять копеек сдачи, а я остался на почте...

Что было дальше?.. Я попал к старичку пенсионеру. Он покупал конверты и почтовые марки... Ну, а потом?.. Я никак не могу вспомнить, что было потом... И вдруг я вижу себя на блюдце. Серебряные и медные монеты лежат здесь вперемешку с бумажными деньгами. У многих из них жалкий и неопрятный вид. От старого, смятого рубля, который прикасается ко мне своим равным боком, почему-то пахнет копчёной рыбой. Я — на прилавке пивного ларька. Меня пропили... Я твёрдо решаю ни с кем не знакомиться.

Успокаивая себя тем, что не каждый человек, который пьёт пиво, должен обязательно быть пьяницей, я жду... Наконец чьи-то грубые пальцы берут меня с блюдца и засовывают в карман. Он пуст, и в нём большая дыра. Сивозь неё видна нога человека, обутая в давно не чищенный ботинок. Боясь провалиться в дыру, я стараюсь прижаться в уголок и зацепиться там за грубый шов. От большого напряжения меня покидают силы и пробрает нервная дрожь...

И вот я лежу под дождём на холодной, сырой земле, вдавленный в грязь колесом велосипедиста. Худшее, что могло со мной случиться, случилось: меня потеряли!..

Мысли возвращают меня к первым дням моей жизни, а затем и вся жизнь проходит передо мной.

Я никогда не расставался

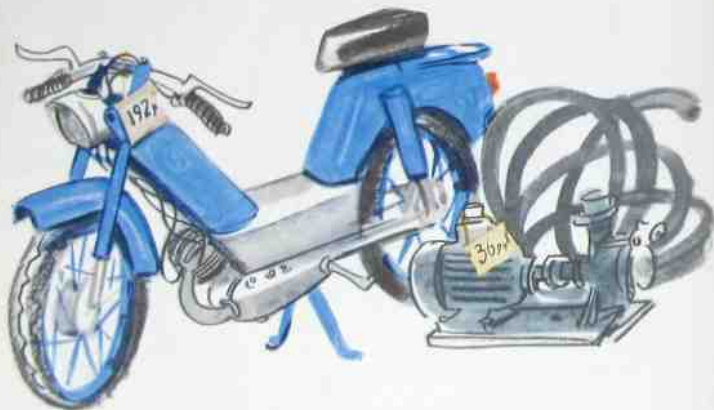
с людьми, но и не задерживался у них. Я находился в обращении...

Правда, как-то раз неожиданно попал к одной маленькой девочке, но у неё пробыл не больше недели. Девочка высыпала однажды всё содержимое копилки на прилавок и купила замечательную куклу. Стоило её наклонить, как она говорила „мама“ и закрывала при этом свои неестественно чёрные глаза с неестественно большими голубыми ресницами.

Нуда и на что меня только не тратили!

На меня покупали хлеб и лекарства, мороженое и картошку, ученические тетради и лотерейные билеты, детские книжки и пуговицы, резиновый клей и яблоки, шнурки для ботинок и зубную пасту, пастилу и стиральный порошок, юбилейные значки и рыболовные крючки, цветные ленты, календари и ещё сотни разных мелочей.

Правда, не без меня были куплены и такие вещи, как пылесос, фотоаппарат, часы, телевизор, пишущая машинка и велосипед.

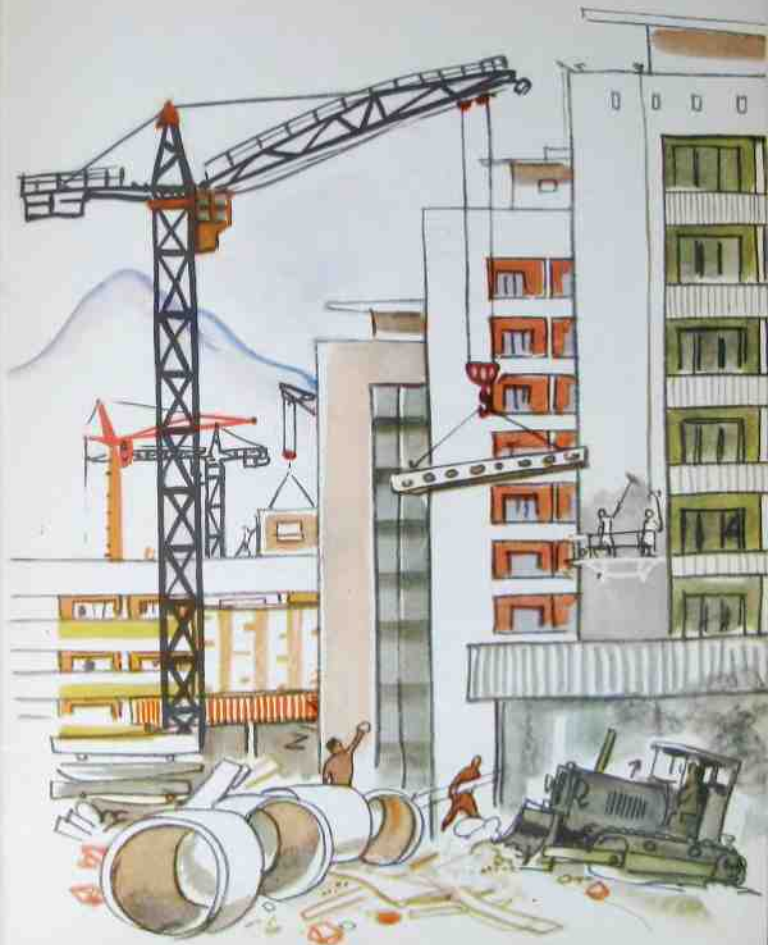
Признаться, меня больше устраивало, когда при моей помощи приобретали что-нибудь не дороже моей личной стоимости. Тогда я чувствовал себя хозяином положения! Когда же меня докладывали и другим деньгам, чтобы оплатить покупку, мне начинало казаться, что сам я не имею большого значения.

Впрочем, я понимал, что, не будь меня в нужный момент под рукой, никто не смог бы приобрести ни одной дорогой вещи.

Я не был героем, но самые счастливые минуты моей жизни наступали тогда, когда я помогал людям делать добро. Особенно мне запомнился день, когда меня внесли в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

— Здесь не хватает одного рубля! — сказала однажды кассирша, обращаясь к молодому человеку.

Тот нервно обшарил карманы и, только обнаружив меня, заложенного между страницами записной книжки, облегчённо вздохнул. Кассирша протянула чек, и молодой человек уехал из магазина на собственном велосипеде.

А если бы он меня не нашёл?..

Я был в потоке жизни, я находился в обращении!..

Меня брали в уплату за проход и проезд, за газ и бензин, за бритё и стрижку, за стирку белья и ремонт очков, за траурные венки и свадебные наряды.

Меня переводили по почте и телеграфу, меняли на мелочь в киосках, клали на хранение в сберкассы, брали в долг и давали взаимы. Где я только не перебивал за мою недолгую жизнь!

Я летал и плавал. Меня возили в поездах и на машинах.

Я назывался то зарплатой, то доплатой, то гонораром, то стипендией, то штрафом, то пенсией, то налогом, то выигрышем, то взносом, то премией...

Однако мне не всегда везло на людей.

Вскоре после моего рождения я узнал, что люди относятся ко мне по-разному. Одни старались меня не мять, не комкать, не перегибать пополам; они тратили меня с толком, были бережливы. Другие, наоборот, относились ко мне без должного уважения. „Подумаешь, рублёвка!“ — пренебрежительно говорили они и тратили меня как попало.

А иной раз мне становилось мучительно стыдно, когда меня исподтишка совали в чью-то ладонь. К счастью, это случалось редко.

Я, конечно, изменился и уже не хрустел, как прежде, но, несмотря на свой помятый вид, не утратил поупной способности и по-прежнему оставался полноценным Рублём.

И вот я потерял!

Человек выпил кружку пива, сунул меня в дырявый карман и потерял. И случилось это не на улице, где любой прохожий мог бы увидеть меня и поднять, а на загородном шоссе, по которому мчатся машины, и никому нет дела до того, что у обочины лежит намочший под дождём старый Рубль...

„Неужели всё кончено? Неужели мне суждено бесславно пропасть?“ — так думал я, приходя в отчаяние.

Я спасён!

Я очнулся от того, что кто-то осторожно взял меня в руки.

— Угадай, что я нашёл? — услышал я мальчишеский голос.

Я лежал на тёплой детской ладони. Две пары глаз с интересом разглядывали меня.

— Рубль! — прошептала девочка с удивлением.

— Чуть было не прошёл мимо, — сказал мальчик.

— Какой мокрый, грязный, весь порванный... — сказала девочка. — Брось! Нуда он теперь годится? Его нигде не примут!

Я похолодел от ужаса.

„Примут! Примут! — хотелось крикнуть ребятам. — Примут! Вы посмотрите на мой личный номер, он цел! Мой номер: пять миллионов сто семьдесят одна тысяча девятьсот сорок один. А две буквы впереди — это моя серия. Главное, чтобы был цел личный номер! Это вам

скажут в любой кассе. Делайте со мной что хотите, только не бросайте меня!“

Всё это я хотел крикнуть, но, как вы сами понимаете, молчал.

Мальчик, поднявший меня, тоже молчал. Он думал.

Потом разглядел меня и серьёзно сказал:

— Знаешь, деньгами не бросаются! Это же всё-таки как-никак рубль! В нём сто копеек!

От волнения я распался на две половинки.

Второе рождение

— Чего тебе, мальчик? — спросил кассир, когда перед ним в окошечке кассы появилась чья-то вихрастая голова.

— Скажите, пожалуйста, вы бы не могли поменять мне рубль? — ответил паренёк.

— А ну, покажи! — добродушно ответил кассир.

Мальчик положил меня на резиновую подстилочку в окошке кассы.

Высушенный и проглаженный тёплым утюгом, я был похож на инвалида, вернувшегося из больницы. Только

вместо бинта на мне была белая полоска бумаги, скрепляющая обе мои половинки.

И тем не менее я был счастлив. Всё, что со мной произошло, казалось мне страшным сном.

Но теперь я попал в добрые, надёжные руки...

— Да-а! — вздохнул кассир. — Видать, своё отслужил...
Смотри, как ему досталось! Ну что ж! Номер цел, серия

цела — поменяем! Вот тебе твой рубль, мальчик! Держи на счастье!

И случилось чудо: в руках нассира я превратился в новый, блестящий серебряный Рубль! С одной стороны у меня сиял Государственный герб Советского Союза, а на другой стороне был изображён солдат с ребёнком на руках...

Когда вам попадётся серебряный рубль, посмотрите внимательно, может быть, это я...

